

ЗАМѢТКИ О ЖИЗНИ ЖЕНЩИНЪ ¹⁾.

ГЛАВА I.

Современное положеніе женщинъ въ обществѣ.

Съ тѣхъ поръ, какъ чувство любви и справедливости, распространенное христіанствомъ, мало по малу вывело женщинъ изъ ихъ прежняго унижительнаго положенія,—успѣхи ихъ въ свободѣ, просвѣщеніи и общественномъ вліяніи неисчислимы. Послѣднее впрочемъ много измѣнилось въ наше время. Если онѣ приобрѣли больше свободы и просвѣщенія, то общественное вліяніе ихъ значительно упало. Объ этомъ свидѣтельствуесть все новѣйшее поколѣніе.

Иначе и быть не могло: дѣятельное занятіе политическими интересами оставило женщинъ внѣ всякихъ умственныхъ вопросовъ; поклоненіе устарѣлаго волокитства исчезло вмѣстѣ съ феодализмомъ; а блестящая сцена ихъ успѣховъ—міръ суетности, въ которомъ онѣ царствуютъ, потерялъ свое прежнее значеніе съ тѣхъ поръ, какъ дѣлами занимаются въ другихъ мѣстахъ, и женщины болѣе не располагаютъ важными мѣстами. Хотя и остались еще блестящіе слѣды ихъ вліянія въ многочисленныхъ перемѣнахъ нашего времени,—роль ихъ во всемъ сдѣлалась менѣе выдающеюся, менѣе лестною; употребляемая ими усилія возратить общее вниманіе не удались имъ. Достоинѣйшіе таланты, которые заслужили бы славу полвѣка тому назадъ, признаны, оцѣнены, но не воз-

¹⁾ L' education progressive par M-me Necker de Saussure. Paris 1856 an.

буждаютъ энтузіазма, а болѣе частые примѣры ихъ частной добродѣтели замѣчаются менѣе прежняго. Никто не старается разоблачать того, что скрывается, и не замѣчаетъ того, что само выказываетъ себя наружу. Итакъ женщины видятъ, какъ со всѣхъ сторонъ благоговѣніе къ нимъ уменьшается. Къ худшему ли это?—я не думаю.

По нашему мнѣнію, нельзя сожалѣть о томъ могуществѣ, которое всегда было не что иное, какъ похищеніе чужихъ правъ, могущество пріобрѣтенное соблазномъ, поддерживаемое хитростію, уничтожающее достоинство мужчины и врожденную скромность женщины, одинаково развращающее обоихъ. Есть однако благотворныя вліянія, предназначенныя женщинамъ. Народъ обладаетъ многими качествами, которыя проявляются въ немъ, когда женщина займется ихъ развитіемъ. Еслибы изъ общей ассоціаціи исключить дарованія особенно присущія женщинамъ, то наслѣдіе челоуѣчества значительно обѣднѣло бы. Дѣйствіе способностей, преобладающихъ въ женщинѣ, можно сравнить съ дѣйствіемъ ея голоса въ хорѣ. Есть цѣлый рядъ возвышенныхъ и чистыхъ звуковъ, которые никогда безъ нея не распространились бы. Она не только расширяетъ общія ступени мыслей и чувствъ, но и самому мужчине даетъ возможность выражать оттѣнки впечатлѣній, которыхъ безъ нея онъ не испыталъ бы или не счумѣлъ бы различить. Итакъ женщины равно обогащаютъ нравственный міръ, какъ тѣми достоинствами, которыя онѣ получили отъ природы, такъ и тѣми, которыя онѣ развиваютъ въ себѣ.

Общій уровень нравственности женщинъ всѣхъ классовъ, по нашему мнѣнію, можетъ безконечно возвышаться, и тогда вліяніе ихъ было бы истинно благотворно; не смотря на то, что съ вліяніемъ женщинъ сопряжено было злоупотребленіе, все же въ нѣкоторомъ смыслѣ можно пожалѣть о потерѣ ихъ господства. По мѣрѣ того, какъ интересы частной жизни

поглощались интересами жизни общественной, женщина уединялась нравственно, духъ, воспламеняющій ее, исчезъ изъ общества; съ тѣхъ поръ уничтожилось равновѣсіе дарованій въ общей массѣ, а быть можетъ качества, принадлежащія женщинѣ, въ настоящее время суть именно тѣ, въ которыхъ вѣкъ нашъ наиболѣе нуждается.

Самое большее несчастіе, которое можетъ постигнуть какое либо поколѣніе—это потеря религіозныхъ вѣрованій и чувствъ, это разъединеніе союза, связывающаго челоуѣка съ Богомъ, соединяющаго людей между собою и дѣлающаго челоуѣка вѣрнымъ самому себѣ.

Женщины не были соучастницами этого зла, этого разрушенія принципа жизни челоуѣчества; онѣ даже со всевозможною силою останавливали его возрастаніе. Общая зараза могла коснуться только нѣкоторыхъ изъ нихъ, ихъ чрезмѣрная уступчивость слишкомъ часто заставляла ихъ преклоняться предъ требованіемъ вѣка; но онѣ противоуѣйствовали общему потоку больше, нежели мужчины: у нихъ религіозное пробужденіе выражается рѣшительнѣе. Онѣ, съ такимъ воодушевленіемъ принявшія христіанство при самомъ рожденіи его, жившія для распространенія его и скорѣе готовыя умереть, чѣмъ оставить его, онѣ должны еще теперь чувствовать, что ихъ интересы тѣсно связаны съ интересами этой религіи.

Какъ же могло быть иначе? Развѣ угнетенная слабость не находитъ поддержки въ христіанскомъ законѣ? Развѣ евангеліе не отдаетъ преимущества добродѣтели, разуму, всему, тѣмъ преобладаетъ женщина надъ грубой и матеріальной силой? А въ семейной жизни развѣ не религія обезпечиваетъ женщинамъ вѣрность ихъ мужей, послушаніе дѣтей, кротость тѣхъ, которые имъ служатъ? Развѣ бы она не замѣнила имъ въ ихъ домашнемъ, справедливо управляемомъ ими мирѣ,

того, въ чемъ отказано ихъ честолюбію на различныхъ общественныхъ поприщахъ?

Но къ чему тутъ говорить объ интересахъ? Женщины обыкновенно бываютъ религіозны. Божественный голосъ находитъ доступъ къ ихъ сердцу, онѣ узнаютъ кроткіе и могущественные звуки его въ евангеліи. Часто оскорбленные въ чувствахъ своихъ, часто одаренныя воображеніемъ, котораго здѣшній міръ не удовлетворяетъ, онѣ возносятся сердцемъ своимъ къ міру лучшему, гдѣ ихъ мольбы услышатся, ихъ заботы прекратятся. Такъ какъ онѣ обязаны признавать главу въ мірѣ земномъ, то имъ пріятнѣе чувствовать Господа своимъ Владыкой. Положеніе ихъ становится выше при мысли о равенствѣ душъ въ вѣчности, и когда имъ представляется все человѣчество предстоящимъ предъ общимъ Судьею, тогда надежда на прощеніе, которое божественный Заступникъ обрѣтетъ для нихъ, успокоиваетъ и ихъ нѣжныя, кроткія сердца.

Итакъ религіозныя чувства, имѣющія доступъ къ мужскому сердцу, непрерывно поддерживаются и развиваются въ немъ женщинами, которые предаются имъ съ большимъ увлеченіемъ. И безъ нихъ, конечно, мужчины пришли-бы къ достиженію истины и признали-бы божественное дѣло въ евангеліи: имъ также открытъ путь къ божественной помощи какъ и женщинамъ; но имѣли-ли бы они одинаковую потребность умолять объ этой помощи? Ихъ воспаляетъ гордое довѣріе къ своимъ собственнымъ силамъ, которое кажется имъ уже частью добродѣтели. Въ нихъ часто встрѣчается религія благоразумная, просвѣщенная, нравственная; могущественныя средства, предлагаемыя ею, производятъ на нихъ свое дѣйствіе. Но есть религія невольная, искренняя, въ которой вѣра и любовь уже сами себѣ служатъ наградой и представляютъ религію безкорыстную: женщины лучше поняли ея прелесть и ея тайну.

Безъ нихъ охладѣли-бы и многія другія чувства. Онѣ одарены силою любви почти въ избыткѣ. Женщины, вѣрныя своей природѣ, любятъ безпредѣльно; онѣ любятъ отъ самаго дѣтства до глубокой старости, не желая другаго счастья, кромѣ любви. Движеніе сердца у нихъ безостановочно. Мать чувствуетъ себя матерью ежеминутно, между тѣмъ какъ у мужчинъ самое неразрушимое чувство отцовское, правда, всегда отвѣчаетъ на призывъ, но не занимаетъ его мысли непрерывно. Чувство въ женщинѣ можетъ почти навѣрное быть двигателемъ самыхъ разнообразныхъ дѣйствій, если только пустота не извратила ея природы, а изъ этого слѣдуетъ то, что этотъ постоянно дѣйствующій двигатель непрерывно пробуждаетъ и поддерживаетъ нѣжное чувство въ мужчинѣ. Это фактъ, что въ странахъ, гдѣ женщина находится въ рабствѣ и не развита, а потому не имѣетъ никакого нравственнаго вліянія, между мужчинами едва замѣтно даже чувство дружбы.

Какъ только эти могучія чувства перестаютъ передаваться въ родѣ человѣческомъ существами, которыя живѣе всего ихъ чувствуютъ, въ то же время какъ бы исчезаютъ и другія счастливыя склонности. Итакъ потребность приличія, естественное отвращеніе ко всему, что оскорбляетъ воображеніе и нравственное чувство, не имѣетъ мѣста въ тѣхъ націяхъ, гдѣ женщина, вполне заслуживающая это названіе, не имѣетъ значенія. Тамъ теряется чувство справедливой соразмѣрности. Самые жестокіе вымыслы, самыя скандальныя сцены едва удовлетворительны, чтобы произвести впечатлѣніе; искусство упадаетъ, и цивилизація остается во всемъ томъ, что составляетъ цвѣтъ и вѣнецъ ея.

Намъ скажутъ, что женщины—соучастницы этихъ превратностей,—онѣ любятъ сильныя ощущенія и ищутъ ихъ, наравнѣ съ мужчинами. Если бы это не было мимолетнымъ

заблужденіемъ, еслибъ дѣйствительно онѣ навсегда отrekliсь отъ могущества внушать уваженіе своимъ присутствіемъ, тогда мы должны были бы обратиться съ строгимъ упрекомъ къ мужчинамъ. Съ какихъ поръ перестали они охранять женщину? Съ какихъ это поръ скромность и деликатность супругъ и матерей перестали быть предметомъ заботливаго попеченія? Къ чему подвергать ихъ такимъ испытаніямъ? Зачѣмъ предлагать имъ перемѣну и отреченіе отъ удовольствія, къ которому онѣ слишкомъ привыкли, или жертвовать ихъ достоинствомъ, дать поблѣкнуть ихъ воображенію и такимъ образомъ терять лучшую прелесть ихъ?

Какъ могли мужчины, которые не перенесли бы малѣйшей обиды нѣкоторыхъ женщинъ, допускать спокойно оскорбленіе ихъ въ массѣ? У насъ существуютъ строгіе законы для защиты отдѣльныхъ личностей. Отцы, супруги не заботятся о защитѣ слабаго пола. Мужество, сдѣлавшееся не нужнымъ для женщинъ, должно было замѣниться заботою объ ихъ добродѣтели, ихъ чувствѣ, обо всемъ томъ, что есть въ нихъ привлекательнаго и священнаго.

Пренебрегая изящнымъ вкусомъ, свойственнымъ женщинамъ, мы лишаемъ себя того успѣха, который онѣ сообщили-бы свободному искусству, а между тѣмъ оно нуждается въ одобреніи женщинъ. Энтузіастки красоты, жаждущія новыхъ впечатлѣній, онѣ кажутся предназначенными для того, чтобы поддерживать то пламя вдохновенія, которое свойственно живому чувствительному сердцу. И хотя, быть можетъ, какъ артисткамъ имъ недостаетъ творческой силы, и не смотря на блестящій успѣхъ имъ нельзя приписать ни одного великаго творенія, составляющаго славу вѣка и націи,—онѣ все же созданы для того, чтобы предшествовать и послѣдовать генію, сначала побуждать его къ предпріимчивости, а потомъ къ усовершенствованію. Въ этомъ и многихъ другихъ отноше-

ніяхъ вліяніе, производимое на общество женщинами, достойными уваженія, представляетъ хотя и слабую конечно, но все же нѣкоторую аналогію съ вліяніемъ христіанства. Принципъ его менѣе возвышенъ, не такъ глубоко преобразователенъ, но нѣкоторыя дѣйствія довольно сходны. Ослабленію этихъ двухъ вліяній можно приписать чувствительную потерю, которую понесло поколѣніе наше въ отношеніи счастья. Мы не говоримъ о счастьи совершеннѣйшемъ, котораго не встрѣчаемъ на землѣ, о которомъ только мечтаемъ здѣсь. То довольство, которое мы можемъ найти въ земномъ счастьи, показываетъ намъ, что наши задушевные желанія не сопряжены съ невозможнымъ. Но нынѣ вырабатываютъ душевное настроеніе, совершенно противоположное тому, которое выражаютъ прекрасныя слова Павла: «я научился довольствоваться тѣмъ положеніемъ, *ἐν οἷς εἰμι*, въ которомъ нахожусь (Филип. 4, 11); средство, которое употребляютъ теперь для возбужденія прогресса—это сдѣлать каждого недовольнымъ его положеніемъ; а какая масса несчастій вытекаетъ изъ этого?

Христіанство дѣйствуетъ совершенно иначе, и оно возбуждаетъ прогрессъ болѣе вѣрнымъ способомъ. Располагая достаточно сильной нравственной силой, чтобы представлять трудъ какъ обязанность, оно оставляетъ въ тѣни земные результаты его, а между тѣмъ трудъ приносить свои плоды. Трудолюбивая жизнь даетъ намъ комфортъ и жмѣняетъ къ лучшему наше матеріальное положеніе. Религія достигаетъ этого результата, не возбуждая сердца алчными и ненавистными страстями и, обѣщая большее счастье, хочетъ, чтобы человѣкъ во время своей земной жизни оживоивно наслаждался небесными благами.

Поворотность судьбы свойственна женщинамъ; по кротости или или по легкости характера, но онѣ обладаютъ этимъ счастливымъ расположеніемъ и легко передаютъ его другимъ.

Не располагая въ общественномъ отношеніи судьбою тѣхъ, которыхъ онѣ любятъ, онѣ стараются украсить существованіе ихъ въ частной жизни. Не заботясь о дальнѣйшихъ послѣдствіяхъ своихъ поступковъ, онѣ украшаютъ только настоящій моментъ, мимолетное мгновеніе. Конечно ихъ можно упрекнуть въ томъ, что онѣ слишкомъ часто портятъ дѣтей и льстятъ слабой сторонѣ мужчинъ; но нельзя сказать, что онѣ пренебрегаютъ заботой объ ихъ счастіи, о такомъ по крайней мѣрѣ, которое онѣ способны понять съ своей, часто узкой, точки зрѣнія.

А развѣ нѣтъ сходства между духомъ христіанскимъ и этой врожденной любовью женщинъ, этимъ пламеннымъ, раздирающимъ состраданіемъ, которое всегда заставляетъ ихъ летѣть на помощь къ несчастнымъ? Это движеніе въ нихъ непреодолимо: прежнія—отвращеніе, обиды, вина—все забыто,—онѣ видятъ только страданіе и ничего больше.

Есть еще извѣстныя качества, которыя особенно развила въ женщинѣ зависимость, но которыя не менѣе того нужны и мужчинѣ. Таково напримѣръ смиреніе, которымъ въ настоящее время весьма пренебрегаютъ, а между тѣмъ въ нашихъ земныхъ отношеніяхъ—что такое смиреніе, какъ не простое убѣжденіе въ томъ, что въ насъ нѣтъ врожденнаго превосходства, что насъ могутъ превзойти и въ просвѣщеніи и въ добродѣтели, и что надо уступать благоразумію даже и тогда, когда мы его видимъ въ другомъ? То же самое можно сказать и о чувствѣ благодарности, которое весьма рѣдко встрѣчается въ мужчинѣ: отношенія человѣка обязаннаго благодарителю своему, повидимому, оскорбляютъ его гордость. Таковы наконецъ истинныя возвышенныя качества, по которымъ женщина съ приличіемъ и душевнымъ достоинствомъ поддерживаетъ различныя отношенія подчиненности, которымъ должно нѣкоторымъ образомъ покориться всякое человѣческое существо.

Мы говорили до сихъ поръ о благодатномъ вліянні, которое даже безсознательно производятъ счастливо рожденныя женщины. Что же было бы тогда, если бы просвѣщенное и религіозное воспитаніе давало имъ въ одно и то же время твердое намѣреніе и средство способствовать общему благу? Тогда было бы достигнуто все, чего мы можемъ желать отъ нихъ: прелести, которыя ихъ украшаютъ, вмѣстѣ съ достоинствами, которыя ихъ заставляютъ любить, духъ порядка и точности вмѣстѣ съ возвышенностію мысли, гибкость нрава и постоянство принциповъ, скромность, кротость и достоинство характера, наконецъ забота о свѣтскихъ интересахъ, наравнѣ съ заботой о внутреннемъ улучшеніи.

Итакъ необходимо имъ такое воспитаніе. Какое могущество дала имъ сама природа! Сколько лѣтъ человѣческой жизни находится подъ непреодолимымъ господствомъ женщинъ! Дѣтство съ своею слабостью и невѣжествомъ, молодость съ своими бурными страстями, старость съ немощью своею, которую онѣ однѣ умѣютъ облегчить. И если это благодатное и оживляющее вліаніе, которое можетъ производить женщина, останется разслабляющимъ и опѣпенѣвающимъ, какимъ оно часто было доселѣ,—какой укоръ долженъ лежать на совѣсти тѣхъ, которые считаютъ себя друзьями прогресса и двигателями цивилизаціи! Еслибъ основательное обученіе дало женщинѣ возможность заниматься воспитаніемъ больше обыкновеннаго, она бы лучше развила нашу умственную сторону, чѣмъ это дѣлаютъ въ настоящее время, потому что вмѣстѣ съ чувствомъ она возбудила бы и нравственную жизнь, между тѣмъ какъ изученіе фактовъ образуетъ у насъ только различныя спеціальности. У насъ воспитываютъ адвокатовъ, счетчиковъ, артистовъ, между тѣмъ какъ она выработывала бы во всемъ внутреннемъ существѣ человѣка божественное созданіе; матеріализму, скрытому въ нашемъ обра-

зованіи, наслѣдовать бы тогда другой принципъ, и между тѣмъ какъ ребенокъ, также какъ и бѣднякъ, научается видѣть въ физическомъ благѣ цѣль всѣхъ, требуемыхъ отъ него усилий,—она достаточно понадѣялась бы на достоинство человѣческое, чтобы цѣлью души поставить саму душу. Самыя лучшія склонности ихъ служили бы имъ для убѣжденія, и если бы онѣ начали съ своего собственнаго усовершенствованія, то нѣтъ сомнѣнія, что въ женщинѣ оказалось бы самое могущественное орудіе улучшенія рода человѣческаго.

Такимъ образомъ мы видимъ, какова роль женщины въ нравственномъ отношеніи. Сообщать и поддерживать чувство на землѣ,—эту душевную жизнь, это всеобщее притяженіе существъ слабыхъ, появляющихся на землѣ для того, чтобы страдать и умереть,—вотъ миссія, которую онѣ получили отъ природы. Возвратить чувство къ его вѣчному и священному источнику, облагородить его отъ нечистой примѣси эгоизма—такова высшая миссія, полученная ими отъ Бога. Вѣрныя этимъ обоимъ призваніямъ, онѣ въ одно и то же время могли бы сдѣлать счастливыми тѣхъ, кого онѣ любятъ, и замѣнить минутное счастье вѣчнымъ.

Г л а в а II.

Назначеніе женщины.

Одну изъ причинъ чрезвычайной строгости, съ какою часто судятъ женщинъ, служитъ высокая степень совершенства, какую мы полагаемъ возможнымъ найти въ нихъ. Предъ глазами мужчины постоянно носится образъ женщины, полный граціи и достоинства; онъ соблазняетъ его, заставляетъ заблуждаться въ юности и, наконецъ, внушаетъ ему отвращеніе ко всему, что уклоняется отъ этого совершеннѣйшаго образца, плѣняющаго его воображеніе.

Мы сознаемъ, что образъ женщины дѣйствительно прекрасенъ, что женщина божественное созданіе, какимъ она была въ идеѣ творчества,—мысль прекрасная; есть прелесть и чистота въ идеѣ существа, котораго слабость служить ему защитой отъ потрясеній враждебной страсти, между тѣмъ какъ гордость и природная чистота берегутъ его сердце. Существо это имѣетъ нѣчто привлекательное, если его искренняя подвижная физіономія служитъ ему прозрачнымъ покровомъ души, которую все трогаетъ; она подобна золотой арфѣ, изъ которой каждое дуновеніе минуты извлекаетъ новые аккорды. Если же существо это одарено чрезвычайной чувствительностью; если оно, такъ сказать, живетъ любовью; если его привязанность, героическая подъ часъ, также безкорыстна, какъ его самый постоянный предметъ, хотя бы это былъ маленькій ребенокъ, который не можетъ отвѣчать тѣмъ же; если, кромѣ того, существо это одарено живымъ быстрымъ умомъ, который какъ бы предупреждаетъ слова и расточается безъ ихъ помощи: развѣ нельзя сказать, что оно создано для того, чтобы дополнить на землѣ образъ божественный? И точно такъ же, какъ небесное величіе изображено на возвышенномъ челѣ мужчины,—точно такъ же выражается въ кроткомъ взглядѣ и трогательныхъ чертахъ женщины всеобщая любовь, любовь сострадательная, и наконецъ проникающее душу дѣйствіе божественнаго прощенія. Почему же идеаль этотъ такъ мало осуществляется у насъ? Почему онъ представляется воображенію мужчины только какъ мечта, и часто опасная, воображенію женщины—какъ указаніе всѣхъ счастливыхъ даровъ, которыхъ она представляетъ только наружный видъ? Почему столько достоинствъ часто замѣняется именно противоположными недостатками? Развѣ женщины не опровергаютъ своей собственной природы, когда привязанность замѣняется въ нихъ эгоизмомъ, чистосердечіе хитростью, и ихъ чрезвычайная раз-

борчивость служить имъ только для того, чтобы утвердить свое собственное господство?

Но даже и въ нашъ испорченный вѣкъ есть много хорошихъ женщинъ, представляющихъ въ себѣ главныя черты этого идеала; у всѣхъ почти замѣтны нѣкоторыя изъ нихъ, и даже тѣмъ, у которыхъ онѣ повидимому совсѣмъ сглаживаются, достаточно нечаяннаго случая, чтобы ихъ выказать вновь. Организмъ подвижной по наружности, но ничѣмъ глубоко не проникающійся, вдругъ воспламеняется чувствами, которыхъ въ немъ вовсе не предполагали. Часто разрывается покровъ притворства, въ который благоразуміе ихъ облакало, и мы встрѣчаемъ нѣжное чувство тамъ, гдѣ предполагали одну безчувственность. Итакъ, соглашаясь съ тѣмъ, что въ женщинахъ трудно встрѣтить полную искренность, мы все же скажемъ, что чувства ихъ живѣе, менѣе разрушительны, менѣе подвергаются охлажденію вслѣдствіе софизмовъ разума, чѣмъ чувства мужскія, между тѣмъ какъ существованіе ихъ болѣе запутано и средства ихъ не такъ легко распознать, такъ что, по странной противоположности, въ нихъ замѣчаешь въ одно и то же время больше искусства и больше природы.

Откуда же происходитъ эта печальная смѣсь, которая такъ часто портитъ существа, созданныя какъ бы для того, чтобы быть мучимыми? Мы припишемъ это весьма древней причинѣ, тому извращающему игу, которое мужчина такъ долго налагалъ на женщину. Причина эта была очень могущественна, потому что, послѣ того какъ она постепенно уменьшала силы и наконецъ совсѣмъ почти перестала дѣйствовать, послѣдствія ея все еще существуютъ. Слѣды ея глубоко запечатлѣлись въ нравахъ, въ общественномъ мнѣніи и даже въ самыхъ интимныхъ мысляхъ женщинъ, слѣпо принявшихъ унижительное положеніе, которое онѣ болѣе всего жаждали уничтожить.

Но изъ чего же это взяли, чтобы со всею массою женщинъ, этимъ народомъ одинаковой крови съ мужчинами, этимъ народомъ братства, обращаться какъ съ рабами, какъ съ побѣжденнымъ племенемъ? Какимъ образомъ за равенствомъ дѣтства могли послѣдовать угнетеніе? Быть можетъ, слѣдуетъ приписать это прежде всего ревности, свирѣпой любви предаваться страстямъ своимъ. Но все же здѣсь видно двойное дѣйствіе—дурной склонности и дурнаго принципа: злоупотребленіе силы съ одной стороны и ложной идеи съ другой. Мужчина могъ поработить женщину, потому что она была слаба, и онъ оправдывалъ передъ самимъ собою это насиліе, доказывая, что она создана для него, что она принадлежитъ ему, и что ей нечего больше дѣлать на землѣ какъ служить и нравиться ему, забывая по отношенію къ ней и даже самому себѣ священные права Бога.

Чего же требуютъ отъ нея права Господа? Того, чтобы она Его любила, чтобы предалась Ему отъ всего своего сердца, чтобы сообразовалась съ Его святою волею. Здѣсь нѣтъ ничего невозможнаго для души благочестивой, но въ женщинѣ-рабѣ нельзя встрѣтить такого возвышеннаго порыва: несчастная, она менѣе благодарна; стѣсненная во всемъ поведеніи своемъ, она думаетъ, что не въ силахъ исполнить законъ Господа своего. Даже мысли ея скованы, такъ какъ она поглощена постоянной заботой о смягченіи своего властелина. Угнетатель также освобождается отъ тяжести долга; въ немъ нѣтъ любви, нѣтъ справедливости; ложная гордость наполняетъ его сердце,—и вскорости все племя наказывается за нарушеніе самыхъ священныхъ правъ, челоуѣчество останавливается въ развитіи и прогрессѣ своемъ, умъ женщинъ мало-по-малу угасаетъ, царь вселенной впадаетъ въ звѣрство, въ тупую чувственность и, наконецъ, самъ теряетъ свободу, которая составляла его славу, и цѣпь, скованная имъ

для женщины, обрушивается на него самого. Такимъ представляется онъ намъ на востокѣ.

Христіанство, по мѣрѣ распространенія своего, съ помощію вытекающихъ изъ него учреждений, положило конецъ такимъ несчастіямъ. Основанное на древнѣйшемъ откровеніи Божіемъ, оно, конечно, сохранило зависимость жены въ супружествѣ, но союзъ этотъ тѣмъ болѣе священъ, что онъ избирается по произволу, утверждаетъ естественную свободу женщины именно той жертвой, которую она приноситъ, и такъ какъ множество женщинъ не вступаетъ вовсе въ замужество, а другія уже свободны отъ него, то цѣлый полъ не порабощается другимъ. Обѣтъ, даваемый супругой—особенный; онъ имѣетъ свои границы, и въ немъ сохраняются права Господни.

Глубокое чувство справедливости Божіей, убѣжденіе въ томъ, что и для женщинъ первая и главнѣйшая заповѣдь состоитъ въ томъ, чтобы любить Бога отъ всего сердца, отъ всей души и отъ всѣхъ помысловъ своихъ,—вотъ высокій принципъ, который, обязывая ихъ исполнять долгъ предписываемый Богомъ, и такимъ образомъ повиноваться мужчине, когда это ихъ обязанность, избавляетъ ихъ отъ духа порабощенія вообще, заставляющаго ихъ обращать сердце, душу и всѣ мысли свои къ человѣку смертному и направляющаго уже съ самаго дѣтства всѣ таинственныя желанія ихъ къ человѣку, еще имъ не извѣстному.

И этотъ подчиняющій, самовластный принципъ хотѣли ввести для воспитанія и поведенія всего женскаго пола.

Мы далеки отъ мысли вооружаться противъ повиновенія женщины въ супружествѣ. Какъ не подчиниться волѣ Божіей? *И къ мужу твоему влеченіе твое, и онъ будетъ господствовать надъ тобою*, сказалъ Господь Евѣ (Быт. 3, 16), и воля эта, выраженная такъ торжественно, придавала еще большую святость закону, который вскорости былъ бы признанъ необхо-

димостью. Союзъ, который долженъ былъ служить основаніемъ будущаго общества, не могъ существовать безъ повиновенія. Въ семействѣ необходимъ глава, дѣти должны повиноваться безпрекословно рѣшеніямъ, иначе надежда на то, что одинъ членъ семейства уничтожалъ бы рѣшенія и постановленія другаго, освобождала бы ихъ отъ обязанности долга и служила бы поводомъ къ несогласіямъ всѣхъ; идея безконечныхъ раздоровъ такъ слилась бы съ идеей супружества, что вскорѣ ни одинъ благоразумный мужчина не захотѣлъ бы жениться. Онъ считалъ бы безуміемъ поддерживать и защищать цѣлое семейство, которое, слишкомъ слабое чтобы защищаться самому, всегда было бы достаточно сильно противъ него, и которое посягало бы на его свободу, не давая ему взаимно никакого счастія. Спокойный авторитетъ необходимъ мужу, чтобы утѣшить его за тѣ обязательства и новыя обязанности, которыя онъ принимаетъ на себя.

Обязанности его дѣйствительно велики, и если мы рассмотримъ ихъ безпристрастно, то увидимъ, что не все было злоупотребленіемъ и насиліемъ въ тѣхъ привилегіяхъ, которыя мужъ присвоилъ себѣ. Отъ самаго основанія дѣти меньшаго возраста требовали различныхъ заботъ, которыя заставили родителей подѣлиться ролями. Слабая и робкая женщина посвящала себя домашней жизни и избирала легкія занятія, которыя допускаетъ сидячая жизнь; болѣе мужественный и смѣлый мужчина оберегалъ семейство отъ всякихъ нападеній и промышлялъ для его существованія, что сопряжено было съ трудомъ и опасностью. Обезпечивъ въ потѣ лица общее существованіе, онъ, конечно, имѣлъ право предъявлять условія, которыя сдѣлали возможнымъ выполненіе его обязательства. Наконецъ, когда, съ помощію себѣ подобныхъ, мужчина побѣдилъ дикихъ животныхъ, проложилъ путь чрезъ непроходимыя лѣса, провелъ дороги и построилъ города;

естественно, что не имѣя нужды для всего этого въ женщинахъ и удаляя ихъ отъ себя, онъ не совѣтовался съ ними при основаніи учрежденій своихъ, которыя дѣлало необходимыми раждающееся общество. Съ тѣхъ поръ она лишена была политическихъ правъ. Причины, побудившія къ тому въ началѣ, дѣйствуютъ и доселѣ; притомъ достаточно было уже одной зависимости женщины въ супружествѣ, чтобы лишить голосъ ея авторитета.

До сихъ поръ мы рассматривали одну законную сторону; но кто же могъ ожидать, чтобы мужчина не злоупотреблялъ своею силой? Могущество отца семейства было громадно, такъ какъ онъ вовсе не нуждался въ семействѣ, которое не могло обойтись безъ него. Даже не употребляя жестокости, одна уже угроза, всегда подразумѣваемая, всегда существующая, предавала женщину вполнѣ его произволу. Недовольный ею, онъ всегда могъ ее бросить, его сильная рука находила ему вездѣ средства къ существованію, ему доставало духу бросить семью, между тѣмъ какъ мать семейства не могла оставить дѣтей своихъ,

Вотъ предметъ ея тревоги, висячій мечъ, одна идея котораго поработаетъ женщину ея мужу. Даже теперь, когда и ея коснулся духъ свободы, развитый христіанствомъ, и когда она меньше можетъ бояться матеріальныхъ послѣдствій его угнетенія, она все еще находится подъ вліяніемъ страха. Равенство правъ, укрощенные нравы защищаютъ слабого противъ сильнаго, религіозная клятва скрѣпила супружескую связь, а между тѣмъ жена все еще должна бояться быть покинутой. Ничто по крайней мѣрѣ не спасаетъ ея отъ нравственнаго пренебреженія, всегда печальнаго и часто пагубнаго. Мужчина сохраняетъ свою независимость; онъ всегда думаетъ, что женщина создана для него, а онъ не

созданъ для женщины; онъ смотритъ на нее какъ на свою собственность, и видитъ въ себѣ ея властелина.

Намъ возразятъ на это, что развѣ же женщина не была создана для мужчины? Да, конечно въ нѣкоторомъ смыслѣ, не завися однако отъ него одного. Извлеченная изъ ничтожества для славы Божіей, такъ же какъ и для славы всего творенія, она облечена была въ образъ женщины слабой, что ставило ее ниже мужчины въ физическомъ отношеніи, и подчиняло ее ему въ семейной жизни; но оболочка, временно облекающая душу безсмертную, не можетъ отнять у нея воспоминанія о ея началѣ и предчувствія ея будущаго. Душа наша находится на землѣ въ состояніи изгнанія и униженія даже; послѣ роковаго дня прегрѣшенія ея, которому она подверглась, временное подчиненіе не можетъ унижить ея. Скоро возвратится она на лоно Отца небеснаго; ей провозглашенъ Спаситель, уже здѣсь она надѣется на Его помощь и, предвидя утѣшеніе впереди, она съ довѣріемъ покоряется участи своей.

Итакъ въ женщинѣ проявляются два естества совершенно различныя, но тѣсно связанныя между собою. Во всѣхъ поступкахъ, во всемъ поведеніи своемъ она не перестаетъ чувствовать себя женщиною. Даже не заключивъ никакихъ обязательствъ, она чувствуетъ себя созданною для повиновенія. Обязанность, налагаемая на нее супружествомъ, бросаетъ тѣнь зависимости на весь родъ ея, какой-то неопредѣлимый долгъ облекаетъ ее таинственною связью; но она стужетъ освободиться отъ этихъ путъ воображенія, если Господь ей повелитъ. И точно такъ же, какъ возвышаясь къ идеѣ ея божественнаго назначенія, она связана съ землею по чувствамъ своимъ, точно такъ же, исполняя свой смиреннѣйшій долгъ, она сознаетъ свое вѣчное назначеніе.

Итакъ Евангеліе, которое говоритъ: *жена да повинуется мужу своему* (Еф. 5, 22), въ то же время сообщаетъ ей, что

нѣтъ между ними первенства передъ Богомъ: *есть вы*, пишется въ посланіяхъ апостольскихъ, *сыны Божіи по вѣрѣ во Іисуса Христа*; нѣтъ больше ни раба, ни свободнаго, нѣтъ мужескаго пола, ни женскаго, *ибо есть вы одно во Христѣ Іисусѣ* (Галат. 3, 26. 28). Но эту сторону божественнаго устроенія, которую образованіе должно постоянно стараться выдвинуть, мужчина совсѣмъ не принималъ въ соображеніе; онъ видѣлъ только жизнь земную и даже закрылъ глаза на все то, что ограничивало его здѣшнія права. Въ женщинѣ онъ видѣлъ только жену; молодая дѣвушка была для него будущая жена; всѣ способности, даже достоинства ея, которыя не были въ прямомъ отношеніи съ его интересами, не имѣли для него значенія. А между тѣмъ есть много дарованій въ женщинѣ, чуждыхъ ея супружескому положенію.

Состояніе это естественно, но не есть необходимостію для нея; половина женщинъ не замужемъ, или уже больше не замужемъ. Въ бѣдномъ классѣ людей дѣвушка, достигшая такого возраста, когда она можетъ сама содержать себя, оставляетъ родителей и живетъ собственнымъ промысломъ очень долго и часто всю свою жизнь, не нуждаясь въ помощи мужчины. Никакое общественное условіе не обязываетъ ея ставить себя въ зависимость.

А потому необходимо, чтобы воспитаніе развило въ молодой дѣвушкѣ тѣ способности, которыя представляли бы ей вѣрную перспективу благоразумія, счастія, пользы и достоинства, какова бы ни была ея участь.

Этого-то и не выносить эгоизмъ мужчинъ. Когда они удостоивали подумать о воспитаніи женщины, то всегда предавались личнымъ мыслямъ. Имъ хотѣлось воспитывать ихъ такъ, чтобы онѣ то внушали имъ страсти, то служили ихъ тщеславному или экономическому интересамъ. Въ настоящее время взгляды ихъ расширились; въ женщинѣ надѣ-

ются, и совершенно основательно, найти хорошее орудіе для воспитанія, и потому стараются развивать ее сообразно съ этой цѣлью, но все въ томъ же духѣ. Они не находятъ, чтобы стоило труда—половину рода человѣческаго усовершенствовать собственно для нея самой. Въ женщинѣ не видятъ божественнаго созданія, съ которымъ должно обращаться сообразно его природѣ и которое нужно довести до того нравственнаго величія и счастья, на которое оно способно; ей заранѣе предназначаютъ роль, къ выполненію которой ее стараются приспособить, но сама она не имѣетъ никакого значенія въ томъ образованіи, которое ей дается. По общему мнѣнію, цѣль ея заключается не въ ней самой и, къ несчастью, не въ Богѣ.

Во всякомъ случаѣ, мы бы вовсе не желали, чтобы цѣль ея заключалась въ ней самой, напротивъ того желательно было бы, чтобы женщина посвятила жизнь свою на доставленіе счастья другимъ; но то же было бы желательно и для мужчины. По нашему мнѣнію, ни счастье, ни совершенство не могутъ пріобрѣтаться другимъ путемъ, какъ самопожертвованіемъ; но это самопожертвованіе, требуемое тѣми, которые имъ пользуются, и требуемое ими безъ всякаго возмездія съ ихъ стороны, не можетъ быть ни такъ постоянно, ни такъ искренно подчасъ, какъ того требуетъ это великое названіе. И если бы парализовали недостаточнымъ образованіемъ ея умственную сторону для того, чтобы пользоваться жертвами, которыя по чувству или нравственному движенію она охотно принесла бъ сама, еслибъ оскорбляли въ ней ея достоинство и чувство, тогда не отдали бы справедливости созданію Божію.

А между тѣмъ это такъ. Въ наукѣ, въ нравственности, въ дѣлахъ общественныхъ женщинамъ долго представляли

только нѣкоторыя истины, сѣуженныя, принаровленныя къ извѣстному взгляду.

Даже сама религія скорѣе служила средствомъ, нежели цѣлью. И къ чему послужить женщинѣ развитіе такихъ-то способностей, говорили они; другими словами: къ чему послужить это развитіе ея мужу? Но развѣ только и слѣдуетъ заботиться о томъ, чтобы наблюдать пользу мужа, котораго, быть можетъ, вовсе не будетъ? Справедливо ли чтобы не-смѣтное множество женщинъ, у которыхъ нѣтъ ничего общаго со страстями и интересами мужчинъ, обречены были томиться въ бездѣйствіи или пустомъ занятіи? Развѣ это справедливо, чтобы женщины, лишеныя красоты, блеска, молодости, наконецъ счастія быть супругами и матерями, оставались забытыми, пренебреженными, и безъ всякой опоры въ старости? Развѣ это нравственно, развѣ это великодушно—показывать имъ, что жизнь ихъ неудачна, что онѣ только на половину существа оконченныя и не могли найти себѣ дополненія? Печальное убѣжденіе, которое слишкомъ овладѣваетъ ими самими; потому что онѣ служатъ предметомъ полнѣйшаго равнодушія мужчинъ. Развѣ онѣ имѣютъ меньше правъ сдѣлаться существами совершенными и исполнять намѣренія Создателя, надѣлившаго ихъ умомъ, и намѣренія Спасителя, умершаго за нихъ?

Это наслѣдіе язычества; таковъ конецъ цѣпи, которую женщина еще влачить на себѣ и которую ей подчасъ нравится носить. Если мы хотимъ видѣть этотъ эгоизмъ мужчины во всемъ блескѣ его, послушаемъ Руссо: «Всякое воспитаніе женщины должно обусловливаться отношеніемъ ея къ мужчинѣ. Нравиться мущинамъ, быть имъ полезной, заставить ихъ себя любить и почитать, или воспитывать ихъ въ юности, заботиться о нихъ въ зрѣломъ возрастѣ, снабжать ихъ совѣтами, утѣшать ихъ, услаждать ихъ существованіе и

по возможности дѣлать его пріятнымъ, — вотъ обязанность женщины во всякое время, и къ этому нужно готовить ее съ дѣтства».

Если бы Руссо сказалъ, что все воспитаніе женщины должно обусловливаться отношеніемъ ея къ обрѣзающему ее, къ существамъ, которыхъ природа или чувство связало съ ея судьбою, мы одобрили бы его рѣчи. Но почему же спеціально указывать на мужчину? Зачѣмъ такъ раздѣлять на части общую обязанность дѣлать добро? Зачѣмъ научать молодыхъ дѣвушекъ ставить ни во что остальныхъ женщинъ, и ихъ потребности любить давать самое опасное направленіе?

Эти несправедливыя и ложныя мнѣнія существуютъ еще и доселѣ. Конечно благоразумная мать не передастъ ихъ дочери съ предвзятымъ намѣреніемъ, но дайте дѣйствовать обществу, и достигнете тѣхъ же результатовъ. Въ этомъ суетномъ обществѣ, такъ часто волнуемомъ различными интересами, тысячи косвенныхъ мнѣній составляютъ для молодой дѣвушки законъ побѣждать мужчинъ и нравиться имъ. Подстреканія эгоистическаго тщеславія пріимутъ романическій оттѣнокъ. Сколько сентиментальныхъ фразъ, произнесенныхъ самими женщинами, найдутъ отголосокъ въ ея сердцѣ! Она конечно будетъ примѣнять ихъ сначалаъ къ будущему супругу; а между тѣмъ фразы эти не относятся ясно къ священной супружеской привязанности, въ нихъ слышится слишкомъ много экзальтаціи. Тамъ все намекаетъ на счастье двухъ существъ, которыя сливаются другъ съ другомъ, на потребность жить другимъ и быть душою его жизни. Какъ рѣдко исполняются подобныя желанія! Сколько есть одинокихъ участей! И сколько замужнихъ женщинъ, которымъ эти слова открываютъ только новый источникъ слезъ и сожалѣній! Устремляя всѣ мысли и надежды одного пола, слишкомъ слабого, на чувства другаго, слишкомъ легкомысленнаго, безпечнаго и

надменнаго даже въ презрѣніи своемъ, готовятъ ли такимъ образомъ благоразумныхъ матерей, вдовъ, способныхъ всѣмъ жертвовать для дѣтей своихъ?

Даже съ точки зрѣнія супруги, даже въ томъ положеніи, когда желаніе нравиться мужчинѣ весьма невинно въ супружествѣ, даже и тогда оно не должно быть руководящимъ началомъ ея поведенія. Мы одобряемъ его тогда только, когда оно бываетъ естественнымъ слѣдствіемъ всего того, что дѣлаетъ ея супружескую связь дорогою ей и священной,—глубокой привязанности, связанной съ великою идеею долга; но сознаемся, что внѣ этого чистаго источника начало это—плохой путеводитель.

Женщина мало любящая не менѣе пожелаетъ нравиться; она будетъ прельщать для того, чтобы обладать. Та, которую мало будетъ интересовать нравственная сторона ея мужа, постарается льстить тѣмъ слабостямъ его, которыя дадутъ ей возможность властвовать надъ нимъ. Такъ какъ онъ не проникаетъ въ глубину ея сердца, а довольствуется словами, то она позаботится прежде всего о внѣшности. Наружный видъ будетъ предшествовать, а дѣйствительность послѣдуетъ или нѣтъ, смотря по обстоятельствамъ. Легкость обращаться съ главою, какъ съ любимымъ предметомъ, будетъ служить ей постояннымъ искушеніемъ къ употребленію своей ловкости, и, не оскорбляя его супружеской гордости, она мало по малу пріобрѣтетъ господство надъ нимъ, дѣйствуя кротко и вкрадчиво.

Во всякомъ случаѣ господство это не можетъ быть продолжительно. Мужъ, замѣтя вскорѣ, что имъ скорѣе искусно управляютъ, чѣмъ повинуются ему, ускользаетъ отъ ловкости этого льстиваго соблазна и находитъ въ другомъ мѣстѣ счастье. Тогда какой-нибудь неожиданный случай внезапно открываетъ удивленной женѣ, что она чужда всему, и что съ нею

обращались какъ съ ребенкомъ, которому предлагаютъ бездѣлушки, а тѣмъ, что больше всего къ нему относится, располагаютъ безъ его вѣдома.

Это служитъ причиною величайшей горести сердечной, и всѣ мечты ея о счастіи рушатся. Иначе и быть не можетъ въ такой системѣ поведенія, которая основана не на истинѣ.

Но она воспроизводится воспитаніемъ; мать возобновляется въ дочери; она смотритъ съ снисхожденіемъ, даже съ радостью на маленькія, граціозныя хитрости, которыя уже заявляютъ ловкость въ ея ребенкѣ. И такъ какъ все рассчитано на то, чтобы современемъ дочь могла представить предметъ выбора для молодого человѣка, то болѣе всего заботятся обработать въ ней ея привлекательную сторону; остальное идетъ какъ пошло. Когда приближается время замужества, мать принимаетъ страстное, живѣйшее участіе въ успѣхахъ дочери оврей. Ничто не забыто, чтобы сдѣлать ихъ вѣрными. Нѣтъ совѣта, который бы не былъ поданъ: ей указаны всѣ средства къ тому, чтобы нравиться, чтобы внушить уваженіе; требуется грація и сдержанность, потому что нужно очаровывать и въ тоже время ободрять будущаго мужа. Но это желаніе побѣждать, которое у матери сосредоточивалось на одномъ предметѣ, принимаетъ у дочери тысячи направленій, и становится потребностью производить впечатлѣнія; потребность эта слишкомъ скоро въореняется, и та легкія натуры доводитъ до привычки всегда порицаемаго кокетства, становится въ болѣе нѣжныхъ натурахъ страстнымъ желаніемъ, жаждою быть любимой, обожаемой даже; это самое величайшее несчастіе и опасность, которой можетъ подвергаться женщина.

Что же сказать несчастной, которая обманула надежды матери? Ее только учили нравиться, а она этого не достигаетъ. Находя счастіе въ домѣ родительскомъ, гдѣ она подвер-

гается безчисленными оскорбленіями, пренебрегаемая въ обществѣ, гдѣ никто не желаетъ ея присутствія, она находила бы единственную помощь въ тѣхъ достоинствахъ, которыя меньше всего развивали въ ней. Вотъ что производитъ воспитаніе, основанное на одномъ желаніи нравиться, — воспитаніе, которое увѣковѣчивается съ поразительной легкостью, потому что всѣ женщины воспитываютъ другъ друга, и часто въ 20 лѣтъ становятся матерями. Надѣмся, что картина эта слишкомъ переполнена, чтобы вполнѣ походить на кого-нибудь; но когда мы хотимъ оцѣнить дѣйствіе движущей силы, то должны освободить ее отъ вліяній, которыя часто уравниваютъ эту силу въ примѣненіи ея. А такъ какъ эта движущая сила зависитъ отъ выбора мужчины, такъ какъ она часто господствуетъ въ душѣ женщинъ и находитъ себѣ союзницу въ пустотѣ, то слѣдовало бы, по нашему мнѣнію, указать ея направленіе. Мы находимъ средства дурными для достиженія цѣли; мы находимъ, что они не удовлетворяютъ даже въ супругѣ таинственной жажды души безсмертной.

Покуда мужчина будетъ наблюдать только свой интересъ въ направленіи, указанномъ имъ въ судьбѣ женщины, — личность его послужить ему обманомъ, и онъ не достигнетъ счастія, которое имѣетъ въ виду. Онъ напрасно сто разъ будетъ измѣнять систему, напрасно будетъ требовать отъ воспитанія то одалиску, то артистку, то хозяйку; онъ не будетъ имѣть ни жены, ни подруги, ни существа истинно созданнаго для того, чтобы очаровывать и утѣшать его существованіе.

Это потому, что мужчина не знаетъ, чѣго онъ желаетъ; есть безконечность въ его надеждахъ и узкія границы въ его познавательной способности ума. Подобно разбитому зеркалу, его испорченное воображеніе представляетъ ему только отрывками черты божественной красоты, которой только одно цѣлое можетъ его удовлетворить; и когда его земныя желанія сбы-

ваются, черты, которыхъ онъ не умѣлъ пожелать, суть именно тѣ, о которыхъ онъ сожалѣетъ. Онъ требуетъ только отрывковъ, тогда какъ его можетъ удовлетворить только цѣлое, котораго онъ никогда не встрѣтитъ на землѣ.

Итакъ справедливо ли то, что онъ не можетъ найти счастья въ супружествѣ; справедливо ли то, что и женщина не можетъ привязаться отъ всего сердца и отъ всей души къ мужу своему? Вознося надежды свои къ Богу, они будутъ любить другъ друга, насколько возможно любить на землѣ, больше чѣмъ любятъ обыкновенно. Два существа, опираясь другъ на друга, возвышаясь одинаковымъ порывомъ къ вѣчности, два существа, находя себя несовершенными, изъ которыхъ каждый видитъ въ себѣ болѣе недостатковъ, чѣмъ сколько можетъ открыть въ другомъ, вырабатываютъ въ душѣ своей всѣ зародыши безсмертія и надѣются въ будущемъ найти исполненіе судьбы своей.

Какую можно представить себѣ лучшую участь! Всѣ земныя страданія скоропреходящи въ глазахъ ихъ, а всѣ достойныя радости продлятся для нихъ въ царствіи небесномъ; и то самое христіанство сердца, которое дѣлаетъ жену въ одно и то же время такою нѣжною и такою покорною, поддержитъ женщину въ одиночествѣ и не оставитъ ея безъ любви и помощи.

(Продолженіе будетъ).

